

СОВ. СЕКРЕТНО.

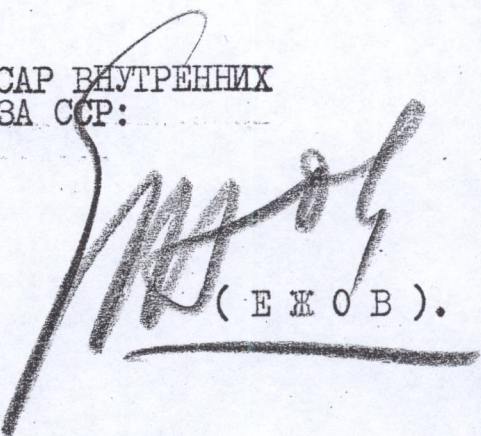
СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) -

ТОВ. С Т А Л И Н У.

Направляю Вам заявление арестованной ГЛЕБОВОЙ.

Т.И.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ СОЮЗА ССР:

(Е Ж О В).

" 9 " ноября 1936г.
№ 58528

Копия.

4/ШМ/.
31/Х-1936 г.НАРКОМУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ тов. ЯГОДЕ ГенрихуГригорьевичу.

Генрих Григорьевич!

Две недели я добивалась от следствия разрешения написать на следствие жалобу и просьбу Вам и лишь сегодня, и то под угрозой об "явления голодовки, получила бумагу.

Я обвиняю Майора ЧЕРТОК в том, что он сделал все, от него зависящее, чтоб оградить истинных виновников приписываемого мне преступления, от разоблачения, конечно, не по злему умыслу, а в административном восторге и ослепленности легкостью моего "обличения", попав таким образом на удочку врагов партии - и моих врагов, прикрывшихся моим именем.

1/ЧЕРТОК отказал мне в очной ставке с КАМЕНЕВЫМ, хотя того допрашивали в соседней комнате (о чем сами т.т. ДМИТРИЕВ и ЧЕРТОК мне сказали) и сама я слышала его кашель. А я бы заставила его сказать всю правду об этом деле.

После моего обращения к Вам, ЧЕРТОК сказал, что КАМЕНЕВ уехал, заболел сыпняком и вряд ли выживет, но если и выздоровеет, то очной ставки я все равно не получу. Из этого я заключаю, что КАМЕНЕВ умер.

2/Он сразу же сказал О.Д., что я привлечена по делу АЛЬФАНА, +) после чего она, по наущению которой КАМЕНЕВ направил улики против меня, ясное дело не сознается добровольно, а только после разоблачения со стороны, что со смертью КАМЕНЕВА почти невозможно.

3/Ослепленность т. ЧЕРТОКА "уликами" против меня, побудила его обвинять меня в том, что я хочу свалить с себя вину на О.Д. только потому, что я "мелкий жулик", "подлая тварь", "гнусная мразь" и т.д. - хотя любой, знающий нас, мог бы сказать ему, как бережно я относилась все эти несчастные 13 лет к чувствам и интересам О.Д., чего нельзя сказать о ней.

4/На мое сообщение, что КАМЕНЕВ сказал мне вскоре после визита к нему в издательство посла (АЛЬФАНА), что О.Д. приглашена во Французское посольство, Майор ЧЕРТОК ответил, что она могла ходить туда, потому что была "любовницей АЛЬФАНА или поставляла ему девочек или мальчиков (!?). Зачем придумывать гадости, когда есть простое об "яснение.

5/Когда ЧЛЕНОВ на очной ставке сказал, что АЛЬФАН говорил только о "мадам" КАМЕНЕВОЙ (даже не о "жене", а именно о "мадам"), а мое имя вовсе не упоминалось (как записано в его первом письменном показании), а в воспоминаниях о парижской делегации была упомянута одна ВИНОГРАДСКАЯ, Майор ЧЕРТОК

+) т. ЧЕРТОК передал мне, что О.Д. сказала, что она не бедный рекрут, чтоб я сваливала на нее мои грехи. Потом он от этого отперся.

заявил, что я "уличенный преступник" (хотя уличена я в основном именно первым показанием ЧЛЕНОВА) и предложил ЧЛЕНОВУ сказать: "что же АЛЬФАН говорил обо мне. Тот помялся и придумал "маленькую КАМЕНЕВУ", а затем на дважды повторенный вопрос т. ЧЕРТОК: "т.е. АЛЬФАН сказал, чтобы была та самая ГЛЕБОВА, которую он знал в Париже"? молча кивнул головой, а затем подписал и в протоколе, как подписал и то, что в воспоминаниях о делегации кроме ВИНОГРАДСКОЙ фигурировала и ГЛЕБОВА. "Конечно, следователь вправе задать любой вопрос и настаивать на ответе, дело чести свидетеля отвечать об"ективно. Но со свидетелем сомнительной честности, даже укравшим деньги, как сказал мне про ЧЛЕНОВА т. ДМИТРИЕВ, надо было следовательно держать себя об"ективнее - в интересах получения от него правдивого ответа. Теперь, подписав свои показания, он уже повторил их без запинки.

Ну, что прошло, того не вернешь... Что-ж дальше. Я не могу поверить, чтобы НКВД или Воен. Коллегия Верховсуда отказали мне, обвиняемой в том, что другой человек послал меня совершить преступление, в очной ставке с этим человеком. Это противоречило бы не только советской, но даже буржуазной законности, даже самой элементарно гуманности.

Я прошу Вас, Генрих Григорьевич, если КАМЕНЕВ жив, послать меня к нему на очную ставку, но не с ЧЕРТОКОМ. Дело это серьезное: может быть сам т. МОЛЧАНОВ мог бы поехать со мной, ведь самолетом туда и обратно не более двух суток (если он в В/У). Я ручаюсь, что я заставила бы его сразу рассказать все подробности этого дела и тогда О.Д. пришлось бы сознаться.

Генрих Григорьевич. За 2 месяца я пишу Вам уже третье письмо. Простите. Но ведь ДРЕЙФУС писал родным бесчисленные письма, пока они не подняли на его защиту весь культурный мир. У меня нет родных и даже, если бы я имела возможность обратиться к парт. товарищам, знающим мою личную и парт. жизнь настолько, чтоб не поверить, что я способна на такое черное преступление, то мой личный пример с защитой КАМЕНЕВА должен убедить их, что в политике нельзя верить "чувству". Поэтому вся моя надежда на Вас, на НКВД. Я не прошу верить мне на слово: я прошу не милости, а правосудия. Прошу очной ставки с КАМЕНЕВЫМ. Я уже имею 7 мес. одиночки на самом тяжелом режиме: в полутемном и сыром каменном гробике 5 x 2 шага размером, без газет и книг, без передач, без денег, на более чем вегетарианской диете, без известий о ребенке, брошенном без родственников и знакомых, в суровой Сибири, где он непрерывно хворал - у него "ТБЦ". Кроме того я имею 13 мес. очень тяжелой ссылки, полной болезней и лишений, усугублявшихся, конечно, моим одиночеством.

А между тем - у меня нет не только преступлений, заслуживающих такой кары, но даже серьезных проступков перед партией, кроме защиты КАМЕНЕВА, за что я наказана исключением из партии.

В прошлом году я своей рукой подписала в протоколе, что я - предатель, так как не сообщила никому о настроениях КАМЕНЕВА против руководства. Насколько я понимаю, это обви-

нение явилось причиной моей ссылки. А между тем, я еще в 1933 г. писала самому т. СТАЛИНУ о злопыхательстве КАМЕНЕВА в 1932 г. в письме по поводу утери мною заявления КАМЕНЕВА в Политбюро из Минусинска. Мне не хотелось ссылаться на это письмо, ибо я прохлопала измену КАМЕНЕВА и тем самым изменила обязательствам, которые я взяла на себя у гроба ЛЕНИНА, перед Феликсом Эдмундовичем (Вы помните, что сам КАМЕНЕВ говорил Вам, что нас сосватал Ф. Э.) и т. СТАЛИНЫМ, которому я писала, что КАМЕНЕВ изменил свое отношение к партии. Если бы я не прохворала так ужасно тяжело 5 месяцев, я, конечно, проявила бы большую бдительность и может быть смогла бы предотвратить их преступления.

Теперь я вытерпела 2 мес. очень тяжелого, по словам самих следователей, допроса, но больше у меня нет сил терпеть весь позор, упавший на меня, тревогу за сына, тюрьму, страдания. Я боюсь, что сойду с ума или кончу с собой (послед двух неудачных опытов прошлого года я с "умею это сделать"), но мне хочется жить, ибо я пронесла через всю мою беспросветно-трагическую жизнь огромный запас жизненных сил и оптимизма. Но вряд ли я долго выживу, если Вы не поможете мне разоблачить действительных виновников этого преступления.

Если КАМЕНЕВ умер, остается последний выход: обратиться к самому АЛЬФАНУ. Если-б удалось вовлечь его в разоблачение этой новой Дрейфусиады и может быть выступить печатно, это имело бы большой эффект за границей.

Я прилагаю текст моего письма к АЛЬФАНУ и просила бы Вас показать его т. т. СТАЛИНУ и ЛИТВИНОВУ, может быть т. ЛИТВИНОВ сам взялся бы его передать АЛЬФАНУ. Я надеюсь, что т. ЛИТВИНОВ обидится, что я прошу его быть моим "Лоэнгрином", хотя у меня и нет, как у Эльзы ни королевства, ни 16-ти летнего сердца - нет ничего... кроме цепей". Я прошу Вас также разрешения написать сынишке через Вийское УНКВД, что я задержалась в М. по делам. Зачем рвать сердце такому крошке. Вот текст письма - на Ваше усмотрение:

Г-н АЛЬФАН.

Я обращаюсь к Вам по делу, необычайность которого для дипломатических отношений оправдывается исключительно трагичностью и безвыходностью моего положения, которому Вы один можете помочь. Известно, что сов. дипломатия не придерживается рутины, а Вы являетесь послом страны, принесшей в мир знамя борьбы за гуманность, справедливость и разум, - против средневекового мракобесия и кровавых интриг феодалов, игравших человеческими головами.

Дело, о котором я пишу по своей низости и бесчеловечности превосходит все исторические прецеденты: Нерон, МЕРОВВИНГИ, Ричард 3, русский царь Иван ГРОЗНЫЙ резали и душили своих жен, матерей, детей и братьев в честолюбивом азарте. Но если бы мой муж, Л. В. КАМЕНЕВ, отправляясь в свой кровавый поход против партии и страны и зная, что я не разделяю его политических убеждений, - просто убил бы меня и нашего сына, он поступил бы гуманнее, чем обрекать нас на жизнь, полную горя и позора. Но он поступил более жестоко.

Он прикрыл моим честным, дотопле непорочным именем действия соучастницы его преступлений и вот - я в тюрьме по обвинению в измене родине.

КАМЕНЕВ сказал своим единомышленникам, что намерен послать меня к Вам под предлогом нашего знакомства в работе Парижской конференции в 1926 году, чтоб я попыталась выведать у Вас - как отнесется Ваше правительство, если к руководству СССР пришло бы правительство ТРОЦКОГО, ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА.

Неопровержимыми уликами доказано, что мадам КАМЕНЕВА была у Вас с этим поручением. На основании же показаний самого КАМЕНЕВА и его единомышленников, следствие убеждено, что была именно я - Татьяна Ивановна ГЛЕБОВА. А между тем мне известно от самого КАМЕНЕВА, что осенью 1934 года во Французское посольство была приглашена его бывшая жена - О.Д. КАМЕНЕВА, которая теперь призналась, что была соучастницей всех преступлений КАМЕНЕВА, кроме одного: выполнения его поручения во Французском посольстве. Она даже выразила крайнее негодование, что я хочу "свалить на нее свое преступление".

Вам лучше знать, г-н АЛЬФАН, кто был у Вас: О.Д. КАМЕНЕВА пожилая брюнетка, бывшая председ. "ВОКС'а" или я - Татьяна Ивановна ГЛЕБОВА, блондинка, выглядящая несколько моложе своих 40 лет. Я не удивилась бы, если-б она явилась к Вам под моим именем, так как я никогда в жизни с Вами не разговаривала: в делегации я занимала скромный пост секретаря юридической комиссии и все свое время отдавала изучению материалов для научных работ, которые вела в те годы. Поэтому я хотела бы, чтоб Вам показали наши фотографические карточки. Г-н АЛЬФАН, я пишу Вам так смело, открыто и доверчиво, несмотря на занимаемый Вами высокий дипломатический пост и что только во Франции (и в СССР, конечно) возможен был такой широкий всенародный отклик на дело ДРЕЙФУСА, казн САККО и ВАНЦЕТТИ, суд над ДМИТРОВЫМ. Эта новая "Дрейфусиада" отвратительнее, так как КАМЕНЕВ - сам изменивший родине, купил соучастие своей б. жены ценою моей головы - голова друга, которому он "дважды обязан жизнью", как он сам недавно писал нашему сыну. Здесь голое беспринципное интриганство, фашистская бесчестность и кровавая клевета на человека других политических убеждений - черты, характеризующие всю деятельность ТРОЦКОГО и его единомышленников.

Сеть улик на меня так тяжела, что я заслуживаю высшей меры наказания. Но если приговор и будет мягче, я сама не переживу позора. Оба мои сына отказались от фамилий своих отцов и приняли мое имя. Теперь оно опозорено. Как взгляну я в глаза своим сыновьям.

Я надеюсь, что Вы, г-н АЛЬФАН, гражданин страны, великое прошлое которой мы чтим как святыню - вступитесь за честь матери и гражданки дружественной страны.

Татьяна ГЛЕБОВА.

Верно:

